Комната №11 / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Комната №11 / рассказ КОМНАТА №11

— Как? Вы не знаете, почему перевели председателя суда Амандона?
— Нет, понятия не имею.
— Впрочем, он и сам-то не узнал причины. Это любопытная история.
— Расскажите-ка.
— Вы, наверно, хорошо помните г-жу Амандон — такая хорошенькая худенькая брюнеточка, умненькая, изящная; еще весь Пертюи-ле-Лонг звал ее просто «мадам Маргерит».
— Да, еще бы.
— Ну, так слушайте. Вы помните также, что ее в городе уважали, ценили, любили, как никого. Она успешно занималась делами благотворительности, умела принять, раздобыть денег для бедных и повеселить молодежь всевозможными способами.
Она была очень элегантна и очень кокетлива, но ее кокетство было чисто платоническим, а элегантность — пленительно провинциальной, ибо она была провинциалкой, эта маленькая женщина, восхитительной провинциалкой.
Господа писатели — они ведь все парижане — воспевают на разные лады парижанку, так как знают только ее, но я — я утверждаю, что провинциалка, если только она высшего сорта, во сто раз лучше.
Провинциалка, умная, лукавая провинциалка, по облику своему несравненно скромнее, смиреннее парижанки и как будто ничего не обещает, но дает очень много, тогда как парижанка, обещая зачастую очень много, в дезабилье не дает ничего. Парижанка — это торжество и элегантная наглость подделки. Провинциалка — это скромность подлинника.
Возьмите милую, живую провинциалочку, — у нее внешность бойкой буржуазки, обманчивая невинность пансионерки, ничего не говорящая улыбка и простенькие, но изворотливые и такие

ненасытные страстишки, что ей нужно иметь в тысячу раз больше хитрости, гибкости и чисто женской изобретательности, чем всем парижанкам вместе взятым, чтобы добиться удовлетворения своих прихотей или пороков, не вызывая никаких подозрений, никаких сплетен, никакого скандала в маленьком городке, который смотрит на нее во все глаза и во все окна.

Г-жа Амандон принадлежала именно к этой редкой, но очаровательной породе женщин. Никогда никто ее не заподозрил, никогда нельзя было подумать, что ее жизнь не так чиста, как взгляд ее глаз, карих глаз, прозрачный и горячий, но такой честный. Попробуй, разгадай!

Оказывается, она прибегала к особому трюку — гениальное изобретение, поразительно остроумное и невероятно простое.

Всех своих любовников она выбирала среди офицеров местного полка и держала их при себе ровно три года — срок их пребывания в гарнизоне. Вот и все. Любви у нее не было, была чувственность.

Как только в Пертюи-ле-Лонг приходил новый полк, она наводила справки обо всех офицерах в возрасте между тридцатью и сорока годами, ибо до тридцати лет мужчины еще слишком болтливы, а после сорока нередко слабеют.

О! Весь офицерский состав был ей известен не хуже, чем самому командиру полка. Она знала все-все: интимнейшие привычки, образование, воспитание, физические качества, выносливость, характер — вспыльчивый или терпеливый, — доходы, наклонность к бережливости или мотовству. Затем она делала выбор. Охотнее всего она выбирала человека по виду спокойного, как и она, но требовала, чтобы это был красивый мужчина. Она требовала также, чтобы у него не было никакой всем известной связи, никакого романа, который оставил бы след или наделал шуму. Мужчины, о чьих любовных историях говорят, очевидно, не отличаются скромностью.

Когда она избирала того, кому предстояло быть ее любовником в течение трех лет его гарнизонной службы, оставалось только подать ему знак.

Сколько женщин оказались бы в затруднении, прибегли бы к обычным приемам, выбрали бы проторенный путь, заставили бы

мужчину ухаживать, пройти все этапы победы и сопротивления, разрешая сегодня поцеловать пальчики, завтра руку повыше кисти, затем щеку, затем губы, затем все прочее.

Ее метод был более Скорый, безопасный и верный: она давала бал.

Избранный ею офицер приглашал, как полагается, хозяйку дома. И вот во время вальса, увлеченная стремительным движением, опьяненная танцем, она льнула к нему, словно отдаваясь, и сжимала ему руку нервным и долгим пожатием.

Если он не понимал — значит, это был просто дурак, и она переходила к следующему, помеченному номером два в списке ее желаний.

Если понимал, все обходилось без шума, без компрометирующего ухаживания и частых посещений.

Что может быть проще и практичнее?

Как было бы хорошо, если бы все женщины подобным же способом давали нам понять, что мы им нравимся! Сколько это устранило бы затруднений, колебаний, слов, хлопот, тревог, неловкостей, недоразумений. Как часто мы проходим мимо возможного счастья, не подозревая о нем, ибо кто может проникнуть в сокровенные мысли, тайные уступки воли, немые призывы плоти — в неведомый мир женщины, если уста ее хранят молчание, а взор непроницаем и ясен?

Когда избранник понимал, в чем дело, он просил дать ему свидание. Но г-жа Амандон всегда заставляла его ждать месяц или полтора, чтобы понаблюдать, узнать его, и если у него оказывался какой-нибудь опасный недостаток, то от дальнейшего воздержаться.

А он в это время ломал себе голову, стараясь придумать, где бы они могли встречаться, ничем не рискуя, измышлял всевозможные комбинации, одна другой сложнее и опаснее.

Затем, на каком-нибудь официальном празднике, она говорила ему шепотом:

— Приходите во вторник в девять часов вечера в гостиницу «Золотой конь», возле укреплений, на Вузьерской дороге, и спросите мадмуазель Клариссу. Я буду вас ждать; но непременно будьте в штатском.

Она действительно уже восемь лет снимала меблированную комнату с годовой оплатой в никому неведомой харчевне. Эта мысль пришла ее первому любовнику. Г-жа Амандон решила, что это практично, и, когда любовник уехал, оставила гнездышко за собой.

О, гнездышко довольно неказистое: четыре стены, оклеенные серенькими обоями с голубыми цветочками, сосновая кровать под кисейным пологом, кресло, купленное по ее приказу услужливым хозяином, два стула, коврик и несколько предметов, необходимых для туалета. Но разве этого было недостаточно?

На стенах висели три больших фотографических снимка. Три полковника верхами — начальники ее возлюбленных! Зачем? Не имея возможности хранить изображения своих любовников, как явное воспоминание, она, может быть, хотела сберечь память о них, так сказать, рикошетом.

И никто, спросите вы, ни разу не узнал ее во время всех этих посещений «Золотого коня»?

Никто! Ни разу.

Уловка, которую она изобрела, была восхитительно проста. Она придумывала и устраивала всевозможные собрания благотворительных и благочестивых обществ, часто бывала на них, но, случалось, и пропускала. Муж знал о ее благочестивых делах, которые обходились ему очень дорого, и жил спокойно, ни о чем не подозревая.

И вот, когда свидание было уже назначено, она говорила за обедом, в присутствии прислуги:

— Я ухожу сегодня вечером в Общество фланелевых набрюшников для престарелых паралитиков.

Она отправлялась из дома около восьми, заходила в Общество, сейчас же выходила оттуда, пробегала несколько улиц и, очутившись в каком-нибудь пустынном переулке, в темном уголке, без фонаря, снимала шляпку, надевала вместо нее чепчик горничной, который она прятала под тальмой, развертывала белый передник, принесенный вместе с чепчиком, подвязывала его и, завернув в салфетку шляпу и сброшенную с плеч тальму, семенила дальше, осмелев, покачивая бедрами, точно разбитная горничная, посланная с поручением; иногда она даже бежала, словно ей было

очень к спеху.
Кто же узнал бы в этой тоненькой и вертлявой служанке г-жу Амандон, супругу председателя суда?
Дойдя до «Золотого коня», она поднималась в свою комнату, от которой у нее был ключ, и толстяк-хозяин за конторкой, видя, как она проходит, бормотал:
— Вон мамзель Кларисса идет на свидание.
Он наверняка кой о чем догадывался, толстый плут, но не старался выведать побольше и, конечно, был поражен, узнав, что его клиентка — сама г-жа Амандон, или, как ее звали в Пертюи-ле-Лонг, мадам Маргерит.
Вот каким образом произошло это ужасное открытие.
Никогда мадмуазель Кларисса не приходила в гостиницу два вечера подряд, никогда, — она была очень умна и осторожна. И дядюшка Труво отлично это знал, ибо за восемь лет ни разу не заметил, чтобы она появлялась на другой день после свидания. В те дни, когда у него было полно народу, он частенько даже сдавал на одну ночь ее комнату.
И вот прошлым летом председатель суда г-н Амандон уехал на неделю. Стоял июль; г-жу Амандон томили страсти, и так как она не рисковала попасться, то во вторник, прощаясь с любовником, красавцем-майором Варанжелем, спросила его, не хочет ли он снова увидеться с нею завтра; и он ответил:
— Ну, конечно!
Итак, они условились, что встретятся в среду, в обычное время. Она сказала ему шепотом:
— Если ты придешь первым, мой любимый, дожидайся меня в постели.
Они обнялись и расстались.
На другой день, около десяти утра, когда дядюшка Труво читал Вестник Пертюи, местный республиканский орган, он из-за конторки крикнул жене, которая ощипывала курицу на дворе:
— А в нашем округе холера! Один вчера умер в Вовиньи!
Затем он перестал думать об этом, его гостиница была битком набита, дела шли отлично.
Около полудня явился еще один путешественник, он пришел пешком, — что-то вроде туриста, — и, проглотив предварительно

две рюмки абсента, заказал сытный завтрак. А так как стояла страшная жара, то он влил в себя еще литр вина и по крайней мере два литра воды!
Кроме того, он выпил кофе с рюмочкой ликера, вернее, с тремя рюмочками. Почувствовав в теле некоторую тяжесть, он попросил отвести ему комнату, чтобы соснуть часик или два. Ни одного свободного номера не было, и хозяин, посоветовавшись с женой, решил пустить его в комнату мадмуазель Клариссы.
Турист вошел в нее и, так как он все не выходил оттуда, хозяин около пяти часов решил разбудить гостя.
Вот так история! Турист оказался мертвым!
Дядюшка Труво спустился вниз к жене:
— Знаешь, этот тип, которого я поместил в комнате номер одиннадцать, кажется, помер.
Она всплеснула руками:
— Да что ты! Господи боже! Неужели холера?
Дядюшка Труво покачал головой:
— Я думаю, скорее мозговая зараза, — он почернел, как осадок вина.
Но хозяйка растерянно повторяла:
— Только никому не говори, никому не говори, а то подумают — холера. Пойди заяви в полицию, да не болтай. Пусть его унесут ночью, чтобы никто не видел. А там — видом не видали, слыхом не слыхали, и след заметен.
Муж пробормотал:
— Мамзель Кларисса была вчера, значит, нынче вечером комната свободна.
И он отправился за врачом, который констатировал смерть от кровоизлияния в мозг после слишком обильного завтрака. Затем уговорились с полицейским комиссаром, что тело вынесут около полуночи, — таким образом, обитатели гостиницы ничего не заподозрят.
Едва пробило девять, как г-жа Амандон неслышно взбежала по лестнице «Золотого коня», и на этот раз ее никто не заметил. Дойдя до своей комнаты, она отперла дверь, вошла. На камине горела свеча. Г-жа Амандон повернулась к кровати. Майор уже лежал в постели, но он задернул полог.

Она проговорила:
— Одну минутку, мой любимый, я сейчас иду.
И она разделась с лихорадочным нетерпением, швырнув ботинки на пол, а корсет на кресло. Затем, когда черное платье и юбки, упав, легли кольцом вокруг ее ног, она выпрямилась в своей красной шелковой рубашке, похожая на только что распустившийся цветок.
Так как майор не проронил ни слова, она спросила:
— Ты спишь, толстяк?
Он молчал, и она, засмеявшись, пробормотала:
— Скажите, пожалуйста! Спит. Вот чудак!
Не снимая черных шелковых ажурных чулок, г-жа Амандон подбежала к постели, живо скользнула в нее и, желая сразу разбудить любовника, жадно обвила руками и жадно поцеловала ледяной труп путешественника.
Один миг она лежала неподвижно, ничего не понимая от страха. Но холод этой безжизненной плоти пробудил в ее теле чудовищный и слепой ужас раньше, чем она была в состоянии что-либо сообразить.
Одним прыжком она выскочила из постели, содрогаясь с головы до ног, бросилась к камину, схватила свечу, вернулась и взглянула! И увидела страшное, не знакомое ей лицо, почерневшее и опухшее; глаза были закрыты, а челюсти сведены отвратительной гримасой.
Она испустила вопль, пронзительный, несмолкающий крик, как кричат женщины, обезумев от ужаса, уронила подсвечник, распахнула дверь и побежала полунагая по коридору, оглашая его страшным воем.
Из комнаты № 4 выскочил коммивояжер в носках и заключил ее в свои объятия.
Он спросил растерянно:
— Что случилось, моя прелесть?
Она забормотала в отчаянии:
— Там… там… там… убили кого-то… в моей… в моей комнате…
Появились и другие постояльцы. Прибежал сам хозяин.
И вдруг в конце коридора показалась статная фигура майора.
Увидев его, она кинулась к нему с криком.

— Спасите, спасите меня, Гонтран… Кого-то убили в нашей комнате.

Распутать все это было трудно. Однако дядюшка Труво рассказал всю правду и попросил, чтобы мадмуазель Клариссу немедленно отпустили, ибо он отвечает за нее головой. Но коммивояжер в носках, осмотрев труп, заявил, что здесь совершено преступление, и уговорил других путешественников не соглашаться на то, чтобы мадмуазель Клариссе и ее любовнику позволили уйти.

Им пришлось дождаться прихода полицейского комиссара, он вернул им свободу, но тайны не сохранил.

В следующем же месяце председателя суда г-на Амандона перевели с повышением в другой город.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 9 декабря 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994
Перевод В. Станевич Hekaýalar